

Граф Е.Ф. Канкрин об обороне западных границ России в 1836 году

Алексей Кривопалов

В отечественной историографии редко пишут о Е.Ф. Канкрине как о военном деятеле, хотя именно успешная служба на посту генерал-интенданта русской армии в годы войны с Наполеоном обеспечила стремительный взлёт его карьеры¹. В 1823 г. Егор Францевич был назначен министром финансов и оставался в этой должности более двадцати лет – до 1844 г. (дольше, чем кто-либо другой из его предшественников и преемников). До самой своей смерти он пользовался доверием Николая I и входил в самый тесный круг его политических советников. Твёрдо требуя строгой экономии, Егор Францевич благодаря своему значительному военному опыту обладал широким кругозором и глубоким пониманием особенностей стратегического положения России. Поданная им императору 19 января 1836 г. записка «Об оборонительном положении западной границы России по стратегическим видам»², до сих пор ещё не привлекавшая внимание исследователей, свидетельствует о том, что и в 1830-е гг. круг интересов министра отнюдь не ограничивался делами финансового ведомства.

К середине 1830-х гг. международное положение России выглядело стабильным и прочным. Практически непрерывные войны первых лет николаевского царствования завершились победами. Опасный мятеж в Царстве Польском к осени 1831 г. был успешно разгромлен. С Османской империей в 1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский договор, закрывший Чёрное море для иностранных флотов, что обеспечивало безопасность южных границ России. В том же году Петербург, Вена и Берлин восстановили союз консервативных северных монархий, направленный на сохранение в Европе status quo и предотвращение реваншистских устремлений со стороны Франции. Отношения России с союзниками во второй половине 1830-х гг. были едва ли не самыми благоприятными: Пруссия находилась под властью престарелого короля Фридриха-Вильгельма III, который, несмотря на создание под эгидой Берлина германского Таможенного союза, не сочувствовал идее политического объединения немцев, в Австрии же после смерти в 1835 г. императора Франца I реальная власть перешла в руки регентского совета, а в нём кн. Меттерних уже не занимал прежнего исключительного положения. Тем не менее память о войнах начала века, частые международные кризисы и понимание того, что для

© 2013 г. А.А. Кривопалов

¹ *Шилов А.П.* Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрин. СПб., 1864; *Сементковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893; *Лебедев В.А.* Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897.

² РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 1–30 об.

России военная мощь является по сути единственным гарантом статуса великой державы, вынуждали Николая I держать войска в высокой степени боевой готовности. На протяжении всего его царствования высшей государственной политикой России, а также её вооруженными силами руководило поколение ветеранов Наполеоновских войн, для которого драматический опыт поражений и побед русской армии являлся личным и потому крайне важным. Несмотря на царивший в Европе мир, Россия затрачивала огромные ресурсы на оборудование передового театра военных действий и содержание самой крупной на континенте сухопутной армии.

Преобразования 1830–1840-х гг. в значительной степени укрепили русскую армию, устранив слабые места, выявленные в ходе войн 1826–1831 гг.³, и создав новую систему высшего военного управления, сохранявшуюся неизменной до конца царствования Николая I. Сбалансированные и постоянные по своему составу шесть пехотных (армейских) корпусов, сформированные из трёх родов войск, стали основой военной организации. Численность каждого из них доходила до 50 тыс. человек. В своих рядах они имели резервные формирования и мощную тыловую инфраструктуру, превращавшую их в самостоятельные соединения. I-й, II-й, III-й и IV-й пехотные корпуса были объединены в Большую Действующую армию со штабом в Варшаве. Бессменным её главнокомандующим в 1831–1855 гг. являлся генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, получивший в 1831 г. за успешное окончание польской кампании почётный титул светлейшего князя Варшавского.

Начиная с 1832 г. на территории Царства Польского в интересах Действующей армии было развёрнуто широкомасштабное крепостное и дорожное строительство. Возведение долговременных фортификационных сооружений являлось наиболее затратным элементом военной инфраструктуры на западных границах. Финансовые же возможности России были весьма ограничены. Граф Канкрин жаловался на необходимость постоянно прибегать к экстраординарным средствам для покрытия дефицита бюджета. С 1827 по 1835 год сумма военных расходов возросла более чем на 50 млн руб. При этом настойчивое желание министра финансов перенести содержание Большой Действующей армии на баланс Царства Польского вызывало решительное противодействие наместника – князя Варшавского. Разорённая войной Польша при всём желании победителей была явно не в состоянии обеспечить расквартированные в ней русские войска. 8 марта 1834 г. Паскевич в особой записке доказывал абсолютную невозможность покрыть затраты Действующей армии за счёт одних лишь доходов Царства⁴. Канкрин с трудом соглашался с этими доводами⁵. Не видя способа преодолеть дефицит бюджета империи без внешних заимствований, он противился и расширению крепостного строительства в 1830-е гг.

В 1836 г., получив при личном разговоре с императором разрешение изложить свои мысли по данному вопросу, министр финансов подготовил записку,

³ Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I. N.Y., 1999; Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; он же. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 191–205.

⁴ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 5. Приложения. СПб., 1896. С. 277–283. О позиции Паскевича см. также: Кривопапов А.А. Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в середине 1840-х годов // Российская история. 2012. № 4. С. 88–100.

⁵ Щербатов А.П. Указ. соч. С. 132–133; Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 170–171.

состоявшую из двух примерно равных частей – «общих рассуждений» и соображений «собственно о западной границе России». На докладе стоял гриф «особо секретно», а его черновик граф счёл нужным уничтожить⁶.

Прежде всего Канкрин напоминал о том, что хорошо знаком с рассматриваемой проблемой. Ещё в 1810 г. он «был командирован в Литовские губернии под видом освидетельствования границ, чтобы познакомиться с местными обстоятельствами в отношении к делам интендантства, а с 1812 года до мира находился безотлучно при Действующей армии», «потом имел случай познакомиться со сведениями, собранными на случай Турецкой войны, и самыми предположениями для кампании 1828 года; наконец же был рачительным наблюдателем войны против польских мятежников»⁷. На протяжении всего этого времени Егор Францевич размышлял об обороне русской западной границы, однако сделанные им выводы во многом отличались от тех, которые ему доводилось слышать. Поэтому, полагая, что «истина наиболее выигрывает от изложения различных и даже противоположных суждений», он решил представить «соображения... о сем важнейшем предмете, может быть ошибочные, но, тем не менее, могущие содействовать к дальнейшему объяснению вопроса»⁸.

В начале записки анализировалось современное состояние военного искусства. По мнению Канкрина, опыт последних десятилетий указывал на то, что «вся сила войны состоит в скорых и решительных движениях», и классические методы XVIII в. не сулили уже «против воинственного соперника никаких шансов удачи и никакого вероятия счастливого окончания» борьбы. «Многие причины тому содействуют», но больше всего – «продовольствие, которое, и особенно фураж, вскоре истощается»⁹. «Армии Александра Македонского и римлян от 20.000 до 30.000 человек пехоты и едва ли более одной тысячи человек кавалерии были всегда самостоятельными, – писал министр, – как не углублялись в неприятельскую землю, в постоянных военных сообщениях и в подвозах не имели надобности; продовольствие на такое число пехоты и конницы почти везде можно было найти на местах и даже провозить способами земли чрез пустыни»¹⁰. С ростом численности войск всё изменилось, и в XIX в. подвоз продовольствия «для снабжения нынешних больших армий» составлял исключительно сложную задачу. В своей оценке значения тылового обеспечения граф фактически соглашался с К. фон Клаузевицем, утверждавшим, что «вопрос снабжения именно и даёт всей машине ту материальную громоздкость, которая удерживает её действия значительно ниже вольного полёта грандиозных проектов»¹¹. Но даже отказ от методической войны, характерной для XVIII в., в пользу решительных действий, направленных на сокрушение противника, по мнению Канкрина, всё равно вынуждал полководца считаться с зависимостью «длины операционных линий от базиса», поскольку «опыты доказали, что чем далее растягивается операционная линия, тем более ослабевает самая армия, сообщения делаются затруднительными и опасными, подвозы потребностей и особенно снарядов опаздывают, а, наконец, и вовсе не доходят»¹².

⁶ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 1, 2 об.

⁷ Там же, л. 2.

⁸ Там же, л. 2 об.

⁹ Там же, л. 3 об.

¹⁰ Там же, л. 5.

¹¹ Цит. по: *Поливанов А.А.* Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894. С. 1.

¹² РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 4 об.

Из этих обстоятельств автор записки выводил «важнейшее правило военного искусства»: «Оно состоит в том условии, что для удачного окончания войны необходимо, чтобы в атакуемой земле находился пункт в такой отдалённости, которая не превышает возможную длину операционной линии, со взятием которого война неминуемо оканчивается. Пункт сей обыкновенно есть столица»¹³. При отсутствии же такого пункта, как показал пример наполеоновской кампании в Испании, в труднодоступных местностях возникали «острова обороны», защищаемые крепостями и непригодные для длительного базирования неприятельских войск¹⁴.

Излишняя растянутость главной операционной линии таила в себе ту опасность, с которой Бонапарт столкнулся в России. В этом случае пространство могло поглотить наступающую армию: «Занимать широкие квартиры опасно, трудно собирать текущее и запасное продовольствие, транспорты снарядов и многие другие потребности армии, одяние и обувь не успевают, подкрепления приходят поздно и утомлённые, болезни обессиливают армию»¹⁵. Соответственно, «опасность для нападающего неприятеля делается ещё несравненно более, если защищающаяся армия, не предаваясь опасности первых больших батальи и не теряя своей силы чрез методические действия на границе, постепенно отступает вглубь своей земли и, соединяясь более и более со своими ресурсами, заставляет неприятеля растянуться и удалиться от своих». Отдавая должное заслугам М.Б. Барклая де Толли, Канкрин отмечал: «Спасительную мысль сию дал в 1812 году муж, ныне в гробе почивающий, против которого тогда все восстали и который ныне позабыт. Какие были бы последствия, если бы тогда на западной границе пустились в большие сражения и против превосходных числительных и нравственных сил неприятеля имели бы несчастье их потерять?»¹⁶.

При изучении опыта наполеоновских кампаний, по мнению графа Канкрин, «несомненно открывается, что главная оборонительная сила государства соразмеряется больше или меньше одного огромности, и подкрепляется отдалённостью вышеозначенных решительных пунктов от границы, особенно, если неприятель ещё должен бороться с малым изобилием земли, рассеянием подвод на большое пространство, дурными дорогами, недостатком водяных сообщений вдоль операционной линии, и если ему можно противопоставить такие препоны, чрез которые должен потерять более людей, нежели мы теряем»¹⁷. Но «если земля не имеет такового пространства, вероятия выгодного окончания войны против резвого наступателя весьма уменьшаются, и должно надеяться на хорошую приготовленную на войну армию и на искусственное усиление оборонительной силы земли посредством крепостей»¹⁸.

Значение крепостей Канкрин освещал наиболее подробно, особо оговаривая, что «относительно крепостей продолжаются ещё многие предрассудки и недовольно смотрят на оные в связи с самыми военными действиями»¹⁹. Граф исходил из того, что «крепости должны быть в тесной связи с самыми оборони-

¹³ Там же, л. 6.

¹⁴ Там же, л. 7.

¹⁵ Там же, л. 8 об.

¹⁶ Там же, л. 8 об.—9.

¹⁷ Там же, л. 9 об.

¹⁸ Там же, л. 9 об.—10.

¹⁹ Там же, л. 10.

тельными операционными линиями»²⁰, и подразделял их на несколько типов: «офензивные» (от *фр.* «*offensive*» – наступление) – выдвинутые на передовой театр войны для заблаговременного сосредоточения в них запасов, необходимых для широкомасштабных наступательных действий; «дефензивные» (от *фр.* «*défensive*» – оборона) – предназначенные для защиты конкретной территории (их Канкрин признавал полезными лишь в исключительных обстоятельствах, избыточное же их количество при оборонительной войне отвлекало слишком много полевых войск); «крепости для упора на предполагаемых операционных линиях, ведущих вовнутрь земли к решительному пункту»²¹. Последние Канкрин считал наиболее важными, «особенно же и в том рассуждении, что нет надобности оставлять в оных преждевременно гарнизоны – мера неизбежная при цепи крепостей, ибо неизвестно, где ворвётся неприятель посредством закрытого флангового марша»²². Такие крепости были призваны не только играть роль опоры для армии, но и служить для неё безопасным тыловым складом.

Как утверждал автор записки, «если крепости принимаются в связи с операциями, то нет ни малейшей надобности думать о всевозможной самостоятельной силе верков, и совершенно достаточно, если крепость не может быть взята без осадной артиллерии, ибо доставление сей последней так затруднительно, требует так много подвод, времени и продовольствия, что даже при имении особого осадного парка с лошадьми, не так скоро поспевать может, как бы операции требовали»²³. Во второй четверти XIX в. способность выдержать 4-недельную осаду, как правило, признавалась военной наукой достаточной для того, чтобы крепость выполнила свою задачу как укрепленный пункт. Время, необходимое противнику на осаду, давало русским войскам возможность сосредоточиться на театре войны, и даже если неприятель ограничивался лишь блокадой такой крепости, он лишался на время части своих войск. Схожие сроки обороны определяли для крепостей 1-го класса и русские воинские уставы: после 40 дней правильной осады гарнизон считался исполнившим свой долг, а комендант имел право на капитуляцию²⁴.

Исключения граф Канкрин делал лишь «для крепостей близ самой границы лежащих, портов и проч., где высшая степень самостоятельной силы верков может быть полезна»²⁵. Однако ожидать от крепостей слишком многого, по мнению министра, всё же не следовало: «Собственно против неприятеля и для защиты земли, особенно от тех, которые не находятся эшелонами на дефензивных операционных линиях, а по сторонам, ибо неприятель пройдёт мимо в некотором расстоянии, когда их немного, а большое число нельзя снабдить достаточными гарнизоны; к тому же ещё остаётся вопрос, будут ли крепости защищаться в эпоху большого военного несчастья»²⁶. Помня о Наполеоне, граф констатировал, что «вообще крайне трудно противостоять полководцу, одарённому гением больших битв и талантом воспользоваться победами»²⁷.

²⁰ Там же, л. 11 об.

²¹ Там же, л. 12.

²² Там же, л. 12–12 об.

²³ Там же, л. 13 об.–14.

²⁴ *Остен-Сакен Д.Е.* Оборона против нападающих на оборону Севастополя // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 360.

²⁵ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 14 об.

²⁶ Там же, л. 14 об.–15.

²⁷ Там же, л. 15.

Завершая «общие рассуждения», Егор Францевич открыто заявлял о бессмысленности тщательной подготовки к таким экстраординарным событиям как, например, нашествие на Россию Наполеона в 1812 г., поскольку «число больших завоевателей и примеры удачных инвазивных (от *фр.* «invasion» – вторжение) походов по длинным операционным линиям в истории столь редки, что против оных не должно и не можно предпринимать какие-либо меры, ибо они похожи на большие революции природы, коим противостоять нельзя»²⁸. «Занимаясь обороною границы, – полагал Канкрин, – должно иметь в виду хотя не слабого, но более обыкновенного неприятеля; в противном же случае можно бы истощить свои способы в ожидании происшествия, которое, вероятно, случится только чрез веки, и когда случится, будет сопровождаемо обстоятельствами столь чрезвычайными, что все принятые меры осторожности будут тщетны»²⁹.

При этом граф не скрывал своего убеждения в том, что «всякое дальнейшее расширение России делает оную слабее»³⁰. В интересах России было избегать втягивания в большую европейскую войну, но, если участие в ней оказалось бы неизбежным, Канкрин считал целесообразным вести её наступательно, придерживаясь оборонительного образа действий лишь в случае неудачи наступления. По словам министра финансов, «начать войну по дефензивной методе может быть весьма благоразумно против сильного завоевателя, как в 1812 году, но в обыкновенной войне не должно жертвовать собственными ресурсами и благосостоянием своих провинций, когда можно обратить на неприятеля бедствия войны»³¹. Впрочем, не следовало забывать и о том, что «нахождение наших войск в чужих краях имеет нравственные и умственные опасности для внутреннего спокойствия, которые всячески удалять должно»³².

Оценивая сложившуюся в середине 1830-х гг. внешнеполитическую обстановку, Канкрин считал создание против России враждебной коалиции событием практически невероятным. Оно могло произойти лишь в двух случаях: «когда могучий завоеватель наперёд покорит или привяжет к себе большую часть Европы», либо если бы «мысли революционного либерализма обладали западными, средними и восточными государствами Европы, и Россия рассудила бы противостоять стремлению всеобщего беспорядка»³³. Появления нового завоевателя Канкрин не опасался. «Случаи сии, – писал он, – крайне редки и требуется много времени, покуда дело дойдёт до нас, в течение коего можно подготовиться и лучше, нежели в 1812 году, где поздние ополчения стоили дорого народу и принесли мало пользы»³⁴. Напротив, ситуация, в которой России пришлось бы «противостоять духу революционного либерализма», представлялась «весьма опасной по нравственным видам». Успокаивало лишь то, что «сие опасение, кажется, минуло, ибо в большей части Европы дух умеренности и желание спокойствия со стороны всех людей, имеющих какое-либо состояние

²⁸ Там же, л. 15 об.

²⁹ Там же, л. 16.

³⁰ Впоследствии (в 1839–1840 гг. и накануне своей отставки в мае 1844 г.) он настаивал на совершенном прекращении войны на Кавказе или немедленном усмирении восставших горцев. Впрочем, у Николая I подобные пожелания не находили поддержки (*Божерянов И.Н.* Указ. соч. С. 222, 238).

³¹ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 16 об.

³² Там же, л. 16.

³³ Там же, л. 17–17 об.

³⁴ Там же, л. 17.

или твёрдый способ пропитания, взяли совершенно верх над меньшим числом людей, ищущих в переменах под видом публичного блага собственной выгоды или увлечённые мечтами несбыточной идеологии»³⁵. «Конечно, – продолжал граф, – нельзя ручаться, чтобы не случилось и впредь местами беспокойствия, особенно, если какое-либо правительство не будет управлять благоразумно, старательно и хозяйственно, и если дурной пример свыше возбудит дурные примеры снизу; но трудно думать, чтобы общее пламя объяло всех наших ближних и дальних соседей, и чтобы сделался общий порыв на Россию. Но в сем случае для нас не так легко бы было воевать среди недоброжелательных иностранцев, как в 1813, 1814 и 1815 годах, где именно доброжелательство их облегчило наши действия и продовольствие армии»³⁶.

Действительно, постепенный рост в общественном мнении Германии враждебных России настроений мог обернуться для Петербурга крупными неприятностями. Союз России с Австрией и Пруссией имел изрядный запас прочности, базируясь на идее сохранения политического status quo, выгодного для трёх консервативных держав в Центральной и Восточной Европе. Однако спланивавшая союзников память о совместной борьбе против французской экспансии едва ли могла остановить медленное, но неуклонное развитие внутри союза центробежной тенденции, связанной с ростом германского национального движения. «Объединение Германии всегда будет иметь надобность во внешнем пугале, – писал позднее герой войны 1812 г., двоюродный брат Николая I и один из самых преданных сторонников России в Европе принц Евгений Вюртембергский. – Ненависть к французам слишком устарела и потому необходимо возбудить мысль об опасности со стороны России, хотя все убеждены в противном»³⁷. События 1848–1849 и 1853–1856 гг. стали тому доказательством и подтвердили как смутную тревогу Е.Ф. Канкрин, так и вполне конкретные наблюдения принца Евгения.

Тем не менее в 1836 г. ещё можно было утверждать: «В настоящем положении дел нет вероятия, чтобы ближайшие наши соседи Пруссия и Австрия вооружились против нас»³⁸. Война же в союзе с ними, в соответствии с планами 1830–1840-х гг., предполагала вступление русских войск на территорию Германии. В этом случае, полагал министр, «театр войны едва ли дойдёт до России, хотя бы союз Англии и Франции, толь противный природе, продолжался надолго»³⁹. Канкрин был склонен рассуждать об англо-французском союзе как о факторе в значительной степени изменчивом и имел для того веские основания. В ходе русско-польской войны 1830–1831 гг., в начале завоевания Францией Алжира в 1830 г., во время восточного кризиса 1832–1833 гг., второй турецко-египетской войны 1839–1841 гг. и марокканского кризиса 1844 г. в отношениях Лондона и Парижа попеременно наблюдались признаки как потепления, так и охлаждения⁴⁰. Вопрос о том, какая из этих двух тенденций одержит верх, в январе 1836 г. оставался открытым.

³⁵ Там же, л. 17 об.

³⁶ Там же, л. 18–18 об.

³⁷ *Ветеран*. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военно-политическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный сборник. 1869. № 1. С. 8.

³⁸ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 18 об.–19.

³⁹ Там же, л. 19.

⁴⁰ Подробнее об англо-французских отношениях в 1830–1840-е гг. см.: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 60–71.

Османскую империю в своём докладе министр финансов сознательно игнорировал, поскольку, с его точки зрения, «держава сия по слабости своей не решится к покушениям на нас». Даже если бы в Турции «явился военный гений, возбуждающий народ мотивами религиозными, политическими и военными, не нашёл бы он достаточных материальных способов, ибо время минуло, где турецкая армия в относительном виде была лучше устроенная в Европе; самое же народонаселение турок приметно уменьшается»⁴¹.

Характеризуя военно-стратегическое положение России, Канкрин писал, что «нет государства, которое бы имело столь великую территориальную оборонительную силу, как Россия на западной границе, ибо не токмо она пользуется выгодами протяжения и огромной глубины, но и едва ли имеет такие решительные пункты, потеря коих могла бы оную принудить к заключению невыгодного мира, и если бы предполагать такие пункты, то операционные к ним линии толь длинны, что или трудно до них доходить, или ещё труднее от них возвращаться»⁴². В случае оборонительной войны на западном театре даже слабость и примитивность коммуникаций становились преимуществом России. «Число хороших дорог, ведущих прямо на границу и могущих служить для операционных линий, невелико, — отмечал Канкрин, — ибо поныне имеется только одно Ковенское шоссе»⁴³. Трудно было бы воспользоваться и речными путями, «ибо Неман может служить только до пристани Столбцы; Северный Буг ещё не весьма судоходен, а Виндавское сообщение ещё не окончено»⁴⁴.

Территории Двинско-Днепровского водораздела, по мнению Канкрина, «хотя представляют неприятелю возможность базироваться для нового похода», всё же надёжно прикрывают сердце России — путь к Москве, «так как зимняя кампания по суровости климата в обыкновенном порядке вещей невозможна, — обстоятельство первой важности при настоящем вопросе». В то же время «огромное протяжение сей линии, недостаточность края повыше Киевской губернии, всеобщий недостаток транспортных способов земли, недостаток городов и скудость деревень служат тому великими препонами, особенно же и для занятия сносных зимних квартир»⁴⁵.

Как доказывал Канкрин, в 1812 г. просчёт Бонапарта состоял в том, что он рассматривал Москву как ключ к успешному завершению кампании. Между

⁴¹ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 19.

⁴² Там же, л. 19 об.

⁴³ Та же, л. 20. О строительстве стратегических шоссе в Западном крае и Царстве Польском см.: *Политковский В.Г.* Походные и путевые записки, ведённые во время польской кампании в 1831 г. СПб., 1832. С. 17–18; *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 203–208, 301; *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. Т. 1. СПб., 1890. С. 46.

⁴⁴ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 20.

⁴⁵ Там же, л. 20 об.—21. Ещё в начале 1820-х гг. в своём сочинении «О военном хозяйстве» Канкрин предупреждал о возможных последствиях недооценки роли тылового обеспечения. «Многим кажется, — заявлял он, — что нет ничего легче, как продовольствовать армию. Мало кто может представить себе подробности, в которые приходится входить, распоряжая продовольствие войск; как эти распоряжения многосложны и запутаны; сколько нужно трудиться и спорить с болтунами и пустыми прожектёрами; сколько нужно энергии, чтобы воевать против кривых понятий и бороться с войсками, старающимися обыкновенно свалить на интендантство свои собственные ошибки. Наконец, никто не берёт в соображение, что могут случиться неудачи и даже ошибки, происходящие оттого, что генерал-интендант должен распоряжаться для будущего, а оно неизвестно» (Цит. по: *Затлер Ф.К.* Суд над полевым интендантством в 1856–1859 году. Лейпциг, 1877. С. 17. Подробнее см.: *Cancrin G.L.* Über die Militairoekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen. Bd. 1–3. Petersburg, 1822–1823).

тем операционная линия, ведущая к городу, была «чрезмерно длинна, и нет способа возвратиться или держаться с наступлением зимы; тем более что Москва не заключает важных запасов продовольствия, кои наиболее доставляются разновременно сухопутно издали». «Посему, – рассуждал министр, – Москва, не быв средоточием управления, ниже складочным пунктом больших военных запасов, по стратегическим видам не иное есть, как обыкновенный большой город, и город без больших способов для армии, лежащий в центре края не весьма изобильного жатвами для продолжительного содержания армии, особенно если против подвоза вести лёгкую войну»⁴⁶.

Захват Петербурга оказался бы гораздо опаснее, так как «в оном соединяются все нити управления», и всё же, по мнению Канкрин, равно нельзя было «назвать столицу сию решительной точкой для окончания войны». Операционная линия неприятеля и в этом случае представлялась слишком протяжённой, а земли, через которые пролегал бы его путь, были сравнительно бедны продовольствием. Кроме того, наступление через Остзейский край требовало предварительного овладения крупным портом и устойчивого господства на Балтийском море. Открытым оставался и вопрос о том, «прилично ли избирать операционную линию толь близко от морского берега и прикрытую Рижской и Нарвской крепостями»⁴⁷. «По сим причинам, – заключал министр, – вероятно, чтобы обыкновенный и даже предприимчивый неприятель решился избрать стратегической целью своих действий Москву или С. Петербург, но, скорее, последний». Теоретически противник мог, вместо похода на Петербург или удара через Двинско-Днепровский водораздел, попытаться прорваться к Москве кружным путём – «от Подолии и Волыни мимо Киева чрез Орловскую и другие губернии к сей столице, но хотя сей путь, бывший, вероятно, в виду у Карла XII, если бы успел взять Полтаву и выиграть сражение, представил бы великие удобства относительно продовольствия и подвод, но, впрочем, по длине операционной линии и по другим обстоятельствам не было бы существенной перемены»⁴⁸. Соответственно, начав войну, «благоразумный неприятель должен бы ограничиться намерением взять и удержать до мира известные провинции России»⁴⁹.

До присоединения Царства Польского выгоды оборонительного положения России заключались в огромных пространствах, прямолинейности западной границы и отсутствии для неприятеля в глубине русской территории важных стратегических целей. Потенциальный театр войны разделялся практически непроходимыми для регулярных войск Припятскими болотами. Гипотетически противник мог занять и удержать земли южнее Полесья, «но само по себе сей остров операции, в сравнении целого государства, не весьма значителен и всегда может быть взят во фланг со стороны Припяти»⁵⁰. Территория к северу от Полесья, весьма бедная продовольственными ресурсами, конечно, также могла быть занята, но завоеватель едва ли сумел бы удержаться там в ходе зимней кампании.

После 1815 г. положение изменилось. Теперь, полагал Канкрин, «Россия, хотя остаётся в своей неприкосновенности, но она, судя вообще, потеряла в

⁴⁶ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 21–21 об.

⁴⁷ Там же, л. 22–22 об.

⁴⁸ Там же, л. 23.

⁴⁹ Там же, л. 23 об.

⁵⁰ Там же, л. 24.

отношениях политических, нравственных и внутренней безопасности, но и по военной части, хотя выиграла по офензивным видам, выдаваясь вперёд и значительно приближаясь к театрам войны средней Европы, но зато получила слабую сторону и точку предкосновения, которой прежде не имела». Егор Францевич не сомневался в том, что «Царство Польское, имеющее вид выдавшегося мыса, есть театр войны, который после значительной неудачи в открытом поле вовсе держать нельзя». Причём «даже без потери сражения едва ли возможно сохранить за Вислскую (так в тексте. – А.К.) часть, ибо со стороны Галиции и Торуня, и Восточной Пруссии ближе действовать на коммуникацию армии», и чтобы не быть отрезанным в этом опасно выдвинутом на запад предполье, «нужно иметь корпуса по обеим сторонам для прикрытия коммуникационной линии, но при малейшей неудаче она в совершенной опасности, и крепости Замостье и Новогеоргиевская (Модлин) сему никак воспособить не могут, и даже другие, если бы рассудили их построить»⁵¹.

Таким образом, при оборонительной войне возникала необходимость оставления Царства Польского как минимум до Вислы, а при наступлении для обеспечения русской операционной линии следовало заблаговременно очистить от противника Восточную Пруссию и Галицию. Впрочем, всё это имело смысл лишь в том случае, когда Австрия и Пруссия выступали против России, а такой случай, по словам Канкрин, «не легко повторяться может»⁵². Если же они оставались союзниками, то обладание передовой стратегической позицией в Царстве Польском давало русской армии очевидные преимущества.

Охарактеризовав особенности Польши и Западного края как потенциально-го театра военных действий, граф Канкрин решительно утверждал, что «собственно для защиты не нужно нам крепостей», так как на западе они «могут быть полезны только для подкрепления операций или по видам внутреннего спокойствия»⁵³. В своей оценке министр, безусловно, руководствовался прежде всего финансовыми соображениями. В 1834–1835 гг. он упорно спорил с Паскевичем и Николаем I, добиваясь сокращения бюджета армии в Польше. Не сумев урезать расходы на содержание сухопутных войск, Канкрин пытался сэкономить хотя бы на крепостном строительстве, заявляя, что «строить против поляков ещё крепости это уже не соответственно действительным потребностям»⁵⁴.

В 1836 г., когда страсти несколько улеглись, граф более обстоятельно обосновал своё мнение, умело сочетая финансово-экономические и военно-политические доводы. В своей записке он кратко очертил значение всех крупных русских крепостей на западе, за исключением турецкой границы, Кавказа и Финляндии. Опустил он также соображения, касавшиеся обороны на Белом, Балтийском и Чёрном морях.

Киев, по мнению Канкрин, лежал слишком глубоко в тылу, чтобы служить плацдармом при наступательной войне. При обороне расположенный на правом берегу Днепра Киев также не мог служить подспорьем для армии, защищающей линию этой реки. Как пункт сосредоточения материальных запасов, Киевская крепость имела некоторый смысл, однако слишком большое расстояние до западной границы снижало её роль. Впрочем, автор записки признавал, что Киев «по видам внутреннего спокойствия юго-западной части России за-

⁵¹ Там же, л. 24 об.–25.

⁵² Там же, л. 25 об.

⁵³ Там же, л. 26.

⁵⁴ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 5. С. 130–131.

служивает особое уважение»⁵⁵. Брест-Литовск также был важен в первую очередь для обеспечения «внутренней безопасности», но не по «общим военным видам». Брест приобретал известное значение лишь «как плацдарм, если неприятель будет находиться в Царстве, и как упор для корпуса, отступающего от неприятеля или наблюдающего с фланга южный театр войны, наконец, как место запасов в разных случаях, ибо, кажется, предполагать нельзя, чтобы чрез Брест избрана была главная операционная линия»⁵⁶. Замостье, находившееся в стороне от предполагаемых операционных линий, предоставляло только те выгоды, которые «от фланговой крепости ожидать можно»⁵⁷.

Новогеоргиевск – крупнейшая русская крепость в Польше – естественно, была нужна для поддержания порядка в мятежном крае. Вместе с тем Канкрин не признавал за ней роль базиса в случае войны с Пруссией, считая, что она способна служить лишь пунктом «сосредоточения различных запасов» и предмостным укреплением на Висле. В качестве же тет-де-пона удобство Новогеоргиевска в значительной степени снижалось расположением основных крепостных верков на северном берегу Вислы⁵⁸. Виленская и Варшавская цитадели оценивались Канкриным «по видам внутренней безопасности», а крепость Бобруйск он и вовсе считал излишней, поскольку «никакие высшие военные виды к оной не обращаются»⁵⁹. Средства, требовавшиеся на её содержание, министр финансов прямо советовал употребить «на другое место». Динабург, хотя и не мог «служить в пользу офензивных действий», был полезен всё по тем же соображениям безопасности, а также как «складочный пункт военных запасов». Главная же цель его строительства заключалась в том, чтобы обеспечить армии опорный пункт на операционной линии, ведущей к Петербургу. К тому же опора на Динабург давала русской армии широкие возможности для занятия фланговой позиции. А это, ссылаясь на пример 1812 г., Канкрин считал исключительно полезным. «Позиции сии, – писал он, – принадлежат к важнейшим задачам военного искусства, и утвердительно можно сказать, что удача 1812 года происходила от двух главных замыслов. Первая идея была та, чтобы без решительного сражения отступить вглубь государства. Мысль сию, но не в полном пространстве, имел генерал Фуль, утверждаясь в оной одною мне известною книжкою, но первоначальный план исполнения мог иметь свои недостатки, дальнейшее отступление было последствием флангового марша французов на смоленскую операционную линию. Вторая идея относилась к латеральной (т.е. фланговой. – *А.К.*) позиции при Тарутине, предложения, сделанные, сколь мне известно, при обеде флигель-адъютантом графом Мишо»⁶⁰.

Как известно, Канкрин был убеждён в том, что «хорошие дороги гораздо важнее неприятелю в чужой земле, нежели собственным войскам в своей» (его настороженное отношение к железным дорогам не раз отмечалось историками)⁶¹. Удобное же шоссе на столицу с высокой долей вероятности должно было привлечь внимание противника. Тем не менее строительство шоссированных дорог на западе было одной из ключевых задач при создании военной

⁵⁵ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 27.

⁵⁶ Там же, л. 27–27 об.

⁵⁷ Там же, л. 27 об.

⁵⁸ Там же, л. 28.

⁵⁹ Там же, л. 28 об.

⁶⁰ Там же, л. 29–29 об.

⁶¹ Там же, л. 29; *Сементковский Р.И.* Указ. соч. С. 39, 79, 87–89; *Шутов А.П.* Указ. соч. С. 25.

инфраструктуры на польском стратегическом плацдарме. Сомнение Канкрин в необходимости улучшения путей сообщения кажется невероятным для столь опытного в военных делах человека. По-видимому, бывший генерал-интендант русской армии постепенно уступал в нём действующему министру финансов, заботящемуся об экономии государственных средств более, чем о военно-политической целесообразности.

В своей записке Канкрин вскользь упоминал и о приморских укреплениях в Риге, Ревеле и Нарве. Рига и Ревель прикрывали важные для России торговые порты, причём Рига служила бы дополнительным опорным пунктом вблизи остзейской операционной линии. Нарва, «несмотря на малость свою», также могла «принести некоторую пользу». В целом же граф настаивал на том, что «кроме Риги и Модлина все прочие крепости по военным видам не суть первой важности», однако «полезны и даже достаточны, ибо умножение крепостей, как по военным, так и финансовым видам, особенно в нашем климате, едва ли может быть признано справедливым предположением». Помимо уже существующих укреплений следовало лишь содержать в Полангене и на некоторых других участках границы «небольшие крепости или замки» для обеспечения сообщений с «чужими краями»⁶².

Реакция Николая I на данный доклад неизвестна. Вместе с тем мнение министра финансов, безусловно, учитывалось в 1843 г. в ходе секретного совещания, на котором обсуждался и был отвергнут проект выдающегося военного теоретика барона А.-А. Жомини⁶³, предусматривавший создание на западной границе мощного и хорошо продуманного крепостного района. В чём-то это была русская версия системы выдающегося французского инженера-фортификатора С.П. де Вобана, осуществление которой непосильным бременем легло бы на русские финансы. Кроме того, как отмечал военный министр гр. А.И. Чернышёв, необходимость выделять большое количество крепостных гарнизонов ослабила бы Действующую армию как минимум на 60 тыс. человек – практически на четверть её боевого состава⁶⁴. Это противоречило обязательствам России перед её германскими союзниками и мешало гибко реагировать на изменение внешнеполитической обстановки в Европе. Со своей стороны, 22 апреля 1843 г. Чернышёв предложил сосредоточиться на строительстве рокадных, т.е. проложенных параллельно границе, дорог через Полесье, которые должны были обеспечить связь между Украиной и Литвой. Вместо 14–16 крепостей, указывавшихся в проекте Жомини, Чернышёв признавал вполне достаточными четыре: Минск, Пинск, Острог и Житомир. При этом крепости в Гродно и Брацлаве, которые располагались бы к северу и югу от Полесья на выходах из болотных дефиле, Чернышёв считал желательными, но не требующими незамедлительного возведения. Таким образом, речь шла уже не о крепостном районе, а лишь об опорных пунктах на предполагаемых коммуникационных линиях через Припятские болота⁶⁵. В конце апреля 1843 г. Николай I подвёл своеобразный итог совещанию (в котором помимо императора приняли участие наследник престола вел. кн. Александр Николаевич, Жомини, Паскевич и Чернышёв) практически полностью согласившись с мнением

⁶² РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 1, л. 30–30 об.

⁶³ Там же, л. 36–58 об. Характерно, что записка Е.Ф. Канкрин 1836 г. сохранилась в фонде Военно-учёного архива вместе с документами этого совещания.

⁶⁴ Там же, л. 59–64 об.

⁶⁵ Там же, л. 63–64 об.

военного министра. Выдвинутую на запад передовую стратегическую позицию в Царстве Польском, опиравшуюся к тому времени на 5 крепостей (Новогеоргиевск, Варшавская Александровская цитадель, Ивангород, Замостье и Брест-Литовск), было решено дополнить несколькими опорными пунктами и стратегическими шоссе в тылу по обеим сторонам Полесья⁶⁶.

Так или иначе, в ходе преобразований и долгосрочного военного планирования 1830–1840-х гг. постепенно в ближайшем окружении Николая I сложилось чёткое понимание места, значения и роли крепостей в русской стратегии. Исходя из перспективы маневренной войны в Европе, наиболее гибким, политически целесообразным и менее затратным признавалось создание мощной и боеспособной армейской группировки. При подготовке наступления боевое управление Большой Действующей армии должно было в максимально сжатые сроки обеспечить мобилизационное развёртывание русских корпусов и выдвижение войск на запад для последующего соединения с германскими союзниками. В случае оборонительных действий предполагалось, что быстрая мобилизация Действующей армии и концентрация её сил на западной границе позволят сокрушить противника в полевом сражении и не допустить его прорыва в центральные районы России. В обоих случаях немногочисленные крепости должны были играть вспомогательную роль, служа опорными пунктами на коммуникационных линиях, укреплёнными складами и исходными базисами, как для наступательных операций, так и для обороны. Число их должно было быть строго ограничено, и строить их следовало лишь на наиболее важных стратегических направлениях.

⁶⁶ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложение. СПб., 1908. С. 561–564.